

Два слова о редстокистах

(Письмо в редакцию «Церковно-общественного» вестника)

Я С ВЕЛИЧАЙШИМ удовольствием прочел передовую статью в 126 № «Церковно-общественного» вестника и вполне ей сочувствую: успехам религии у нас, в простонародии, всего более вредит бедность! Это видел и указывал еще святой Димитрий Ростовский в его слове на день жен мироносиц: «В народе если и есть какие добрые люди, так и те за нуждою и утеснениями забыли Бога»¹. Таковы слова досточтимого святителя, и они не потеряли своего смысла в России и об эту пору, когда, по вашим словам, «бедность производит невежество и невежество производит бедность».

Это, как вы справедливо говорите, «заколдованный круг», которого не может и не должно терпеть среди себя общество, просвещенное истинным христианством. И кто из людей верующих откажется от надежды, что час грядет, когда великого зла, подобно тому «заколдованному кругу», не будет? Но что нам с этим делать?

У нас теперь много говорят о неостатке проповеди в Храмах. В самом деле, эта статья церковной практики идет у нас очень плохо: учительности в Храмах почти не раздается; но нельзя скрыть и того, что местами, где она раздается, ее там не слушают.

Не спрост ли: почему же это так? Надеюсь, не погрешая, отметить: потому что не стало духа жизни и христианской свободы в современном проповедном слове, которое сделалось более ораторским упражнением и разве только в самых лучших случаях изредка может потрясать немножко слабые нервы.

Да и этого рога мастера всё переводится. С кончиною пресвященного Иннокентия, Борисова и протоиерея Родиона Пуягина² трудно уже и указать на кого-нибудь способного как по нотам умилишь или расстрогать общество. Большинство «слов», которые доводится нынче читать и слышать, это именно «слова, слова, слова» не в церковном, а в гамлетовском смысле.

Покойный Михаил Яковлевич Морозкин³ в одной из своих всегда неизменно умных статей скажет, что «время слов прошло, — нужны подвиги», и вот, с кончины его, сколько раз поднимается речь об ужасном состоянии религиозности в русском народе, мне всякий раз вспоминается этот превосходный человек с его пророчеством: «время слов прошло, — нужны подвиги».

При всем глубоком уважении к значению проповеди и к трудам известных проповедников, нельзя не чувствовать, что теперь проповедь словом совсем не действует и, чтобы спасти все ниже и ниже падающие интересы религии, «нужны Подвиги», подвиги благочестия, правды и добра, без которых не может жить в людях дух Христов, а без него светны и тщетны и слова, и поклонения⁴. Нам, православным, держащим в основе нашего церковного сознания непререкаемое правое учение об оправдании живого, действительного верою, т. е. верою и делами, этого нельзя ни на минуту упустить из виду, ибо мы со всею верностью нашего исповедания едва ли можем показать достойные его плоды... По крайней мере это вполне можно сказать о нашем настоящем, когда, судя о нашем древе по его плодам, люди довольно беспристрастно сомневаются в здравости кореня...

Конечно, это не всегда так было, и будем надеяться, что опять не всегда так будет, а потому на нынешнее время, может быть, позволительно смотреть как на неурожайный год. Пусть так; но будем же смиренны, и

«Христианство на Руси ещё не проповедано...»

Затерянные статьи Николая Лескова

Творческий расцвет Лескова совпал с эпохой острого религиозного возбуждения русского общества, настолько занимавшего автора «Соборьян», что его без натяжки можно назвать летописцем «религиозного брожения» 1870—80-х гг. Едва ли не ежедневно появлялись тогда лесковские статьи, выдержанные в самой, казалось бы, беспристрастной манере, о сектантах разного толка, о быте раскольников, о текущей церковной жизни, о модных ересьях. Лесков любил скрываться за маской неприятельного бытописателя, сосредоточенного лишь на фактах; но бесхитрого наблюдателя решительно теснил хлесткий фельетонист, мастер полемик, способный разразиться убойственной критикой даже по мелкому поводу. И дело не только в неумном писательском темпераменте Лескова, о котором слишком много уже говорено, но в особом состоянии духа, побуждавшем обнажать тревожную глубину широко тогда обсуждавшихся конфессиональных проблем, ставить сплосные знаки вопроса там, где все решения казались найденными.

Недаром многие мемуаристы не без изумления вспоминали о маститом и уже тяжело больном писателе как о человеке глубокой внутренней борьбы, затасанных страстей. Лесков оказался не только свидетелем зарождавшегося религиозного ренессанса, но и предостережением и выразителем. Его собственные мистические настроения, о которых он рассказывал знакомым то посмеиваясь, то с аффектированной серьезностью, еще пред-

стоит осмыслить, а его творчество темлет вписать в историю русского светского богословия, связав с публицистикой Достоевского, Владимира Соловьева, Толстого.

Несомненно, однако, что до увлечения толстовством, то есть до последнего десятилетия жизни, ясных и готовых ответов на бытийственные вопросы у Лескова не было, хотя их ему и приписывали еще совсем недавно, когда у нас регулярно появлялись статьи и диссертации об «антицерковных произведениях» Лескова; на все зрелое творчество писателя часто распространяли поздние его умонастроения, настоянные на протестантских симпатиях и опиравшиеся на авторитет толстовской проповеди. Да, критиком церквей Лесков, безусловно, был — и был всегда. Но долгое время это была критика изнутри, вписанная в мощный поток оппозиционной духовной прессы.

Помещенные ниже заметки относятся как раз к этому порубежному периоду биографии Лескова, когда «Соборьян», «Запечатленный ангел» и многие другие почти хрестоматийные его произведения, не отделяемые от поэтизации церковной культуры, уже составляли для писателя вчерашний день, а новая позиция только нащупывалась, рождалась из глубокого недовольства церковью, пренебрегающей пастырским призванием.

«Христианство на Руси еще не проповедано» — к этому смысловому центру лесковской публицистики 1880-х гг. тяготеют все три предла-

гаемые заметки. Первая была напечатана в 1876 г. в газете «Церковно-общественный вестник» (24 ноября, № 129), но не утлена пока ни в одной из лесковских библиографий. Это забытая страница долгой полемики Лескова с редстокистами — последователями английского проповедника лорда Гренвила Редстока (1831—1813), основателя секты протестантского толка, снискавшего популярность в высших слоях русского общества. Показательно, что его горячими адептами Толстой сделал центральных героев «Анны Карениной» — Алексея Каренина и графиню Лидию Ивановну. «Два слова о редстокистах» — одна из самых мягких статей Лескова об этих сектантах, здесь острейшая полемика направлена против официальной церкви.

Две другие заметки извлечены из архива и печатаются впервые, причем об одной из них — «Маленьком фельетоне» «Богословский теленок» — мне не встречались упоминания в печати. Дело объясняется тем, что заметка осела не в лесковском архиве, а в фонде А. С. Суворина, в папке лесковских писем к нему (РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 2227; датирована по содержанию ноябрь—декабрь 1881 г.). Предназначалась она для суворинского «Нового времени», но была отвергнута, очевидно, из опасения цензурных притеснений: перепишка Лескова с Суворинным хранит следы их нескончаемых споров о пределах допустимого в статьях о церковной жизни. Возможно, всего пару часов заняла у Лескова работа над

«Маленьким фельетоном», но как факт писательского быта он, несомненно, любопытен: из него ясно, насколько внимательно Лесков следил за текущей прессой, с какой готовностью откликался даже на самые мелкие статьи.

Что же касается последней заметки — «Из жизни. Богословы и неоднословы» (РГАЛИ, ф. 275, оп. 1, ед. хр. 58; датируется по содержанию маем 1882 г.), — то, хотя Лесков тщательно отделил текст, можно с уверенностью утверждать, что он сам раздумал ее печатать. Вскоре появилась в «Историческом вестнике» его статья, где много подробнее развернут материал, положенный в основу этой заметки, — с тем лишь различием, что в печатном тексте полемика с Иваном Аксаковым и Достоевским (взгляды которых Лесков тогда безоговорочно сближал) завуалирована. И это понятно: ведь еще совсем недавно Лесков сотрудничал в аксаковской «Руси», где подавал свои статьи как иллюстрацию их идей. «Богословы и неоднословы» — заметка очень лесковская, с характерной для писателя ускользающей авторской позицией. И все же именно для осмысления его мировоззренческой эволюции она представляет исключительный интерес. Мы застаем здесь Лескова в момент размежевания с консервативной идеологией — размежевания, оформленного, однако, так, что даже отсюда ясно, насколько претрела Лескову жесткая определенность взглядов.

по его же наблюдениям, любят особенно предаваться разгулу «под праздники».

Верно это или неверно? Может быть, и неверно, потому что до сих пор еще наши люди под праздники больше всего ходят в баню, — а это нельзя считать за разгул и за «место развращения»; но во всяком случае посылка русских для научения благочестия в чужие края — совсем противоречит тому, как представлял дело г. Аксаков и как представлял его покойный Достоевский.

Где же тут правда? А правды тут не скоро доищешься, потому что в той же газете сряду читаем, как плохо стоит церковное дело в Англии, где «вряд ли два процента посещают церковь, а церковь оставляет массы людей в невежестве и через то способствует отпадению людей от веры».

Значит, и в Англии на этот счет худо. Где же хорошо? Хорошо было у нас, но только в те времена, которые да прошли.

Та же проповедь исакиевской кафедры, которая посылает нас учиться благочестию за границу, содержит такие слова:

«Нравственность упала низко, — в старину было не так... Родители (тогда) не уставляли говорить детям о справедливости Божией и развивали в них необъясненно требовательное чувство совести».

Так! Но почему же по каталогу грехов, напечатанному в книжках члена Петербургской Духовной Академии пермского протоиерея Евгения Попова, зачатая в числе детских прегрешений такие гадкие, безнравственные и противнатурные пороки, о каких в наше время дети, благодаря Бога, даже вовсе не имеют уже и понятия!

Июль — правда ли, что будто нравственность действительно много упала? И есть ли еще теперь что-либо на Руси такое скверное, что не имело бы себе подобия (и иногда гораздо худшего) в прошлом? Были и тогда «трехи больше!»

Проповедник, ища спасения в старине, говорит, будто тогда «родители развивали в детях необъясненно требовательное чувство совести». Картина прекрасная, но как же ее согласовать с указаниями, исходившими сто лет назад (в 90-х годах XVIII столетия), чтобы «страхом понудить родителей не выпускать детей вечером порою на улицы, ибо в сие время, — наипаче в предпраздника — идут кулачные бои, сквернословия и нестойкие крики странным наречием»².

Удивительно неприятно, что чуть захочешь постараться согласовать все эти противоречия во что-нибудь стройное — сейчас и запутаешься. Пофилософствуешь — и ум вскружится! до того, что иногда готов даже усомниться: хорошо ли знают дело сами те, которые о нем рассказывают?

Возоблаженный народный журналчик «Русский рабочий» на первом листке поместил евангельскую картинку, под которую поместил подпись «светпереди...»³. Это не худо, — свет, кажется, действительно вперед, а не позади, где «кулачные бои и сквернословия странным наречием».

Речь идет, возможно, о книге «Исповедь отроков и всех вообще» (Пермь, 1874) протоиерея Евгения Алексеевича Попова (1824—1888).
² Этот указ, посланный 30-го октября 1795 г. из александровского духовного правления («... священнику Петру Савченню» Лесков цитировал в статье «Вечерний звон и другие средства и искоренению разгула и бесстыдства» (Справна для сведущих людей), «Исторический вестник», 1882, № 6).

³ Вспомогательная статья из «Горя от ума». Этот журнал, в котором ранее Лесков сотрудничал, издавала тогда А. И. Пейкер, дочь М. Г. Пейкер (1827—1881), возобновившая его после смерти ее матери. Обе Пейкеры были редстокистами, приятельницами Лескова, хотя подвергались его критике в печати.

Вступление, публикация и комментарии
О. МАЙОРОВОЙ

пусть наш Клим не кивает в это время на Петра, как это сделано автором цитированной вами статьи о ночлежных приютах⁶. Он говорит между прочим о Редстоке и его русских друзьях, которым советует «вместо того, чтобы ограничиваться пустыми воздыханиями при мысли о бесконечной любви Божией», проявить это убеждение, оказывая помощь своим материальными средствами нищему люду.

Совет хороший: редстокисты действительно большие охотники витать в сфере заоблачных мечтаний и всегда более любят комментировать Бога, чем многоглаголание об оправдании и любви и докучно и жалко. Часто ссылался на Исаию⁷, они, к своему несчастью, не помнят, что пророк многоглаголюющим боялся ожесточить людей: «... действительно ли редстокисты только «вздыхают» и тешат свой неукротимый проповедный зуд, а ничего не делают?»

По моим сведениям, которые я имею из близкого знакомства со многими из почитателей лорда Редстока, это совсем не так. Наши редстокисты не только любят толковать об оправдании в редстоковском духе, но они стремятся и подражать своему учителю и его матери в делах милосердия. По крайней мере автор заметки о приютах на Сенной площади не может сказать, что редстокисты менее подвижны на добро, чем те «люди большого света», которые «выезжают» каждое воскресенье в церковь Департамента уделов. Спросите петербургских бедняков: не знают ли они В. А. Пашкова или Ю. Д. Засецкого⁸, и, наверное, многие из них скажут, что они этих лиц знают и чем-нибудь им обязаны. Самому ужасно ночлежных приютов на Сенной кто же сильнее противодействовал, как не редстокистка, затратившая значительные суммы на устройство такого приюта в гораздо лучшем виде?

Может быть, многое и здесь, и там делается неумело: я об этом спорить не стану; но все это делается всегда горячо и искренно, так, как в церквях, к сожалению, не делается. Что же касается до «отвращения» от законных пастырей и наживдания на непризнанных вроде Редстока, то еще Бог знает: кто тут виноват? Мне по крайней мере достоверно известно, что учредительница ночлежных

приютов Ю. Д. Засецкая⁹ обратилась к некоторым петербургским священникам, прося их приходить хоть раз в неделю пояснить бесприютным ночлежникам Слово Божие; но наши господа священники сего не восхотели... Даже один из них прямо сказал: — Ну что у вас там за люди!.. Чего им там читать, этому сброду!

Это факт, за который я ругаюсь. И тогда уже пошли читательские объяснения Евангелия, из коих иные, впрочем, научились теперь заниматься этим делом весьма толково.

Не откажете мне в возможности сказать об этом в вашей почтенной газете.

20 ноября 1876 г.
С.-Петербург

¹ Намеренно или невольно Лесков искал упоминутую статью, где «невежество и бедность» — вне прямой связи с религиозным состоянием народа — были названы «главными злами, с которыми приходится бороться» («... обществу» («Церковно-общественный вестник», 1876, № 126, 17 ноября).

² Те же волею процитированные слова Дмитрия (Даниила) Туптало; 1651—1709), митрополита Ростовского. Лесков вложил в уста героини («Захудалого рода» и повторил в посвященной лорду Редстоку книге «Великоветский раскол» (СПб., 1877, с. 169).

³ Иннокентий (Борисов Иван Алексеевич; 1800—1857), архиепископ Херсонский, богослов и проповедник. Путятин Родион Тимофеевич (1807—1869), протоиерей в г. Рыбинске, признанный мастер проповеди, автор многократно переведенных в XIX в. «Кратких поучений».

⁴ Священник Казанского собора в Петербурге, духовный писатель М. Я. Морозкин (1820—1870).

⁵ См. Первое послание Коринфянам, XV, 14.

⁶ Речь идет о помещенной в «Биржевых ведомостях» статье присяжного заседателя Латкина, посетившего приют князя Вяземского на Сенной.
⁷ Проповедь Редстока о «безмерной любви Бога и непокорным созданиям своим» Лесков подробно излагал в «Великоветском расколе», приводя тут же любимые цитаты Редстока из Книги пророка Исаии.
⁸ Василий Александрович Пашков (1831—1902) — отставной гвардейский полковник, глава русских редстокистов (чаще всего их и называли пашковцами), основатель Общества поощрения духовно-нравственного чтения, в 1884 г. выслан за границу. Лесков довольно резко полемизировал с ним в печати. (В газетном тексте статьи инициалы Пашкова, видимо, по ошибке изменены.) Юлия Денисовна Засецкая (рожд. Давыдова, ум. в 1882 г.) — дочь Дениса Давыдова, переводчица, устроительница ночлежного приюта в Петербурге, любимая собеседница Лескова в 1870-е гг. «Великоветский раскол» был написан частично по предоставленным ею материалам.

Богословский теленок Маленький фельетон

В ПЕЧАТИ очень много указаний на то, что русский простолудный боголюбивый и сердцем предан религии, но, к сожалению, его религиозность, вследствие его темноты и незнания св. писания менее религиозна, чем суверенна. Слова «милости Хоща» а не жертвы! простолудину почти неизвестны, и он все изловачается почитать Творца и Его угодников не столько «милостиво», сколько «жертвенно». Иногда он доходит до чистого язычества, и вышедшая на сих днях ноябрьская книжка «Странника» содержит между прочим наивный рассказ о такой жертве¹.

В Черемнецком монастыре есть икона Иоанна Богослова, которую окрестные жители почитают чудотворною, а иноки монастыря устраивают с нею «ходы» по селам. Появилась на лошадей сибирская язва, «совершили крестный ход кругом лошадей»; у крестьян «пала корова и во дворе стало не тихо, — крестьянка пошла и пообещала Иоанну Богослову теленочка».

Это, конечно, свидетельствует о тепловой вере крестьянки в заступление Иоанна Богослова, но все-таки — зачем же его икону теленок, который, конечно, очень бы пригодился самой бедной жертвовательнице? Даже и монастырю теленок тоже, кажется, не нужен, потому что наши иноки мясного не кушают... Право, жалко, что этой бедной крестьянке не разъяснили: она бы, может быть, поберегла и воспитала теленочка, из которого со временем вышла бы коровка, коровка давала бы молочко, а молочком хорошо и своих ребяток припитать и пороку привить чужого спириту. Писание ведь учит, что Бог жертвы не требует, а милующих сирот и сам милует.

Автор говорит, что «таких фактов множество». Значит, тем хуже.

Но сряду есть и еще одно интересное указание: окрестные крестьяне «все таят к обители» — и оттого «не одна копейка, не один рубль, а и много рублей идут теперь в монастырь, тогда как не будь его, пошли бы они на пользу местных причетов». Такое «соседское дело могло бы дать повод для больших пререканий, если бы не на-

шлось такого пункта, на котором монастырь полезен самим приходским церквам». Пункт этот — «хождение Иоанна Богослова», т. е. ношение его иконы, причем местный священник и монахи ходят по приходу и служат молебны, а деньги, при этом получаемые, делат пополам. Этот-то доход и мирит причы с монастырем...

Правда, что это очень находчиво, и через это ни бедному, ни черному духовенству нет убытка, а только у одних крестьян становится денег поменьше; но едва ли, однако, это есть самое лучшее, что могла бы изобрести соединенная христианская ревность черного и белого духовенства, живущего в такой местности, где люди еще до сих пор склонны приводить Богу жертвенных телят?

¹ Матфей, XIV, 13.

² Далее с явной издевкой излагается восторженная статья «Из поездки в Черемнецкий богословский монастырь» («Странник», 1881, № 11), подписанная Ар. Лв. В предыдущем номере журнала была помещена язвительная рецензия на лесковский сборник «Русская рознь» (СПб., 1881), чем, возможно, и вызвано появление комментируемой заметки.

Из жизни.

Богословы и неоднословы

ГАЗЕТА «Русь» всегда и неослабно учит, что только у нас в одной России удалось благочестие, — что наши крестьяне есть по преимуществу христиане и что одни лишь мы, русские, можем преподавать погибающей Европе пример достойной христианской жизни.

С «Русью» спорить бесполезно, но замечательно, что, когда перед могучим непослушанием этой газеты умолкает печать, — вдруг раздается резкое противоречие ей с церковной кафедры.

В «Церковно-общественном вестнике» (1 мая, № 58) приволят текст «широко-захватывающей проповеди», которая 18 апреля была произнесена в Петербурге с кафедры Исакиевского собора, и в той проповеди читаем следующее:

«За границей мы, русские, могли бы научиться строгому хранению чистоты нравов». — Примером поставлена Англия, где люди, по мнению проповедника, гораздо лучше проводят воскресенье, чем у нас в России, где,